

ОТ ГЕОФИЗИЧЕСКОГО К ГЕОИКОНИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ МИРА: ГЛОБАЛЬНАЯ КАРТОГРАФИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МИРА

Степан Янковский

Житомирский государственный университет имени Ивана Франка

The map of the world is a kind of socio-ideographic developer. Does it reflect the reality or does it create an image in which the consciousness of reality intersects with the game of imagination? The study of the geophysical image of the world allows regarding it as an area of upper and lower limits of thinking. The strategy of understanding leads us to the point of combining of various scientific discourses, political projections as well as utopian landmarks. The geophysical representation has the plurality of codes which allow us to interpret the civilization processes, sociocultural projects and political projections as a geoiconic image of the world, including the contextual problems of social space mediatization as well as the effectiveness of global communication schemes.

Key words: map, the civilization of the cities, industrial civilization, postindustrial civilization, the project of megalithic culture, linguo-cultural narcissism.

Вступление.

Геофизический образ мира по преимуществу является схематическим отображением ориентиров видения мира человеком. Информационные технологии анимировали этот образ. Принципы геокодирования и геолокации способны отслеживать навигацию и определять с точностью до нескольких метров положение объекта и пользователя. Примеры подобных возможностей представляют программы Google glass, Google maps, Google sky, AndroidS GPS Test и других, представляющие использование технологических возможностей информационных терминалов GSM/GPRS, а также их спутниковых альтернатив. Виртуальная картография основана на использовании географического модуля, включающего местоположение, дистанцию, визуализацию наблюдаемого объекта на основе адаптированной к информационным технологиям картографии.

Предлагаемое сообщение является опытом осуществления феноменологической редукции геофизического образа планетарного пространства к интенциональным значениям глобальной картографии. Следует отметить, что в предлагаемой перспективе прослеживаются узловые моменты трансформации тропов социокультурного универсализма.

Описание источников и методология. Термин геоиконика был введен Александром Берлянтом (Берлянт 1995) в качестве обозначения общей гео-

рии картографии. Контрарность «геофизического / геоиконического» образа планетарного пространства обосновано отличием математической и информационной проекций. На основе замечаний, сделанных Ханной Арендт: «способность являться как таковая требует и предполагает наличие зрителя» (Арендт 2013: 100), «для общения с ближним не нужен непременно человеческий язык с его исключительно сложной грамматикой и синтаксисом» (Арендт 2013: 100) – дифференциация геофизического и геоиконического образа мира представлена в контексте понимающей коммуникации (Г. Маршалл Маклюэн).

Данный подход соответствует принципам теории символического обмена и миротворения, предложенной в работах Пьера Бурдьё (Бурдьё 1987) и Нельсона Гудмена (Гудмен 2001). «Пусть никто не думает, что если карта, составленная в соответствии с одной схемой экстраполяции, является точной, то карты, составленные в соответствии с альтернативными схемами, являются неверными», – замечает Гудмен (Гудмен 2001: 271). Усмотрение карты как метасистемы векторов коммуникации позволяет распространить принцип отличия инструментальной и понимающей коммуникации (Люсьен Сфе, Жан-Пьер Дюран) (Дюран 1993: 142) на феномен глобальной картографии социокультурного мира.

Презентация основных результатов и дискуссия.

1. Генеалогия тропов глобального универсализма: метасистема миров. Автором концепций, важность которых для формирования геофизического и геоиконического образа планеты очевидна, является Пифагор из Самоса. Ему принадлежит, как утверждает традиция географической науки, идея сферической модели поверхности земного шара. Пифагорейство обозначает точку эпистемологического разрыва, если воспользоваться термином Гастона Башляра, литературы и мифа. Ядро мифопоэтических представлений о форме земной поверхности составляет символ мирового центра. У греков Античности символ средоточия земной тверди, «омфал (ομφαλός)», поставлен в Дельфах. У инков – это Мачу-Пикчу, у кельтов – в Медиолане; столица Срединного королевства в Ирландии – Тара и др. Но от своих истоков образ мира локален. Как, например, доисторическая топография Европы и Средиземноморья, как и любой другой части света. Локальный образ мира представляет обозримый мир. В этом мире горизонт определяет содержание, а символы непосредственно пребывают в наличии.

Геоиконический образ мира обладает важным свойством, которое можно представить как аналог сетевого сообщества, участники которого имеют семантические связи. В «Хазарском дневнике» Милорада Павича рассказана притча об общих снах, когда сон одного означает бодрствование другого. В виртуальном мире объект видения и объект созерцания могут не совпадать.

Например, здание, поиском которого занят в реальном физическом пространстве пользователь, благодаря Google maps может предстать ему во множестве ракурсов и в разное время года, более того свое видение искомого объекта он может передать другим пользователям-незнакомцам. Таким образом, современные технологии позволяют создать нечто аналогичное доисторической топографии, синтезируя разрозненные во времени впечатления и накладывая их на геофизический образ. В историческом времени это означает, что по мере накопления таких впечатлений возникает новая очевидность. Назовем, ее очевидностью горизонтов, очевидность, которую геофизическое пространство позволяло рассчитать, описать, проиллюстрировать. Но в современном мире она фиксируется, накапливается, архивируется и может быть открыта для других пользователей. В этом смысле мир трансформируется в архив впечатлений. Поэтому обозначим еще одну важную составляющую геоиколического образа мира – это способность интегрировать антропологические горизонты.

Современная глобальная картография соответствует планетарному образу мысли человека. Использование современных информационных технологий обеспечивает геолокализацию и горизонтальные связи, а масштаб ее структурного единства картографирует образ человечества, производимый структурным единством ландшафта и ойкумены.

2. Тропы утопизма: мир-город. Реалистичность геофизического образа нашей планеты представляется не только прогрессом научного познания, а и изменением горизонтов видения. Эта подвижность горизонта означает все большую проникновенность взгляда, усиление его мощности, так сказать «точечного видения», которым снабжено современное человечество благодаря развитию информационных технологий. Мир предстает все более детальным и символичным одновременно. В тоже время, образная целостность, общее видение настоящего, прошлого будущего все более отрывается от реальности. Эта дистанция реальности и ожидания структурирует символическое пространство мира. В архаических представлениях опоры символического пространства являются вполне реальными геофизическими объектами или своеобразными отметинами в поле горизонта: горы, пещеры, воронки и возвышенности. Однако геофизический образ постархаики имеет в своем ландшафте прочную опору символического пространства – город. Город является своеобразным «нулевым меридианом» и «нулевой широтой», поскольку дифференциация геофизического и геоиколического образа мира предполагает разделение символической и пространственной упорядоченности планетарного пространства. В современной географии нет однозначной уверенности в том, что называется городом. Вероятно, что одним из факторов амбивалентности является то, что современная традиция имеет дело с трансфигурациями понимания города как укрепленного места-цитадели-укрепления; общности

в образе жизни (например, традиция библейских городов); как «гражданской общности»; города как агломерации. Индустриальная цивилизация сосредоточилась в городах и в этом смысле городской, буржуазный, мещанский образ жизни являются пересекающимися понятиями (Зомбарт 2005). Пространственная упорядоченность соответствует определенной архитектурной организации пространства, а символические порядки соответствуют его качественной определенности. Качественное многообразие форм пространственной упорядоченности понимается по-разному, но ее обозримость стала возможной после того, как город становится центром социальных порядков, связей, коммуникаций. Город становится аутентичным символом, в том смысле, что город указывает на самое себя. История каждого города включает миф об общности происхождения, героическую мифологию, включая культурных героев, первооткрывателей, первопроходцев, реформаторов, а также цивилизационный миф. Символическое пространство города несет отпечаток времени перехода от цивилизации дворцов к городской цивилизации.

Если говорить в терминах историософии Фернана Броделя (Бродель), время мира и города мира формируют цивилизационное пространство. Многообразие истории цивилизаций можно представить как зарождение, развитие и упадок городов. В этом контексте следует рассматривать социокультурные особенности славянского мира и его связь с цивилизацией городов Средневековья. Несомненно, что центры славянской государственности и центры духовной культуры – Велико-Тырново, София, Киев, Прага, Краков, Великий Новгород, это города, которые сыграли важную роль в формировании матрицы исторической памяти современных славянских народов. Однако их социокультурная роль гораздо шире, нежели представленная в национальных границах историческая память. Геофизическая дислокация славянских народов была чрезвычайно подвижна на западе и юге. Поэтому славянские племена приняли участие в этногенезе не только собственно славян, но и германцев, румын, создавая тот неповторимый и зачастую весьма противоречивый образ социокультурного многообразия центральной, восточной Европы и Балкан.

Цивилизация городов славянской ойкумены рассматривала город не столько как автономное социокультурное образование, сколько своеобразную точку отсчета или пересечения разнонаправленных сил. Можно сказать, эдаким «центром земли», где сходились власть и образование (княжеский дворец и монастырь), администрирование и торговый обмен (детинец и торговые ряды). Города славянской ойкумены – это своеобразные шлюзы или пропускные пункты между мирами и в межмирье (если принимать мистическую составляющую религиозной культуры славян). Поэтому социокультурный мир цивилизации городов славянской ойкумены включает и города-символы. Как, например, город-проект Переяславец-на-Дунае или мистический Китеж-град.

В современном мире включение в Сеть стало неотъемлемой частью индивидуального образа жизни, а система обмена приобретает масштабы, сопоставимые со строительством пирамид в предместьях Гизы. В этом, говоря языком условностей в «новом мире» город уступает место «глобальной деревне», как замечает Маршалл Мак Люэн.

3. Троп заблуждений: условность геофизической проекции «Восток-Запад». Планетарный масштаб утопий социокультурных миров индустриальной цивилизации задавался геофизическим распределением поверхности земного шара на части или стороны света. Восток-Запад, Север-Юг являются кардинальными точками топологии геофизического описания. Но при всей визуальной объективности подобного членения согласно движению солнца, кардинальное исчисление геофизического описания в категориях частей или сторон света обусловлено социокультурными и онтологическими факторами. Например, если европейцы в качестве ориентиров используют обозначения четырех сторон, то в Древнем Китае их было пять, а в доколумбовой Америке семь. Онтология геофизической ориентации («направления движения») конструируется наблюдением за движением солнца. Кроме того и конвенцией относительно расположения частей и нахождением точки отсчета на поверхности изображения (например, север обычно находится в верхней части, а юг в нижней части, Гринвичского меридиана, линия перемены дат). А так же онтологическим допущением движения на основании факта обращения земли и наблюдения смены дня и ночи в течение суток («ось земли»). Итак, геофизические параметры являются синтетическим априорным представлением, значения которых возникают на пересечении коммуникативных структур и их топологических характеристик.

В процессе цивилизационных изменений кардинальные точки из опыта чистого или конструктивного наблюдения постепенно переместились в литературу, политическую, публицистическую (так, например, возникла геополитическая метафора «восточного деспотизма»), а также – в художественную, историческую, этнографическую литературу и искусство (например, «Тысяча и одна ночь», ориентализм).

Перенос констант геофизического описания способствовал диверсификации воображаемого пространства. Если художественно-творческий феномен ориентализма обозначал изящество линий, шарм, вкус наслаждения, то политическая мысль использовала ту же категорию «Востока» как обозначение «пустыни деспотизма», а политически-экономическая мысль толковала Восток, как особый вид хозяйствования, в котором нищета и великолепие сочетаются с восточным изяществом. По существу, геофизический образ индустриальной цивилизации соответствовал символическому господству западных форм исторического прогресса. А Восток становится обозначением как исторической неизменности вещей и состояний, так и варварства, в смысле жестокости нравов в отличие от цивилизаций Запада.

Выводы.

Усмотрение карты как социально-идеографического конструкта позволяет установить отличие инструментальной и понимающей коммуникации. Инструментальная картография представлена в способах презентации мира посредством карт и глобусов. Понимающая картография обращена к принципам кодификации мира-вселенной, мира-космоса, мира-ойкумены, мира-коллажа. Геофизический образ мира формируется противопоставлением человеческого и природного бытия, общность которых определяется политически как жизненный мир, жизненное пространство. При этом полифонический образ социокультурной реальности осуществляется в линии горизонта коммуникативных срезов, но не квази-онтологических иерархий «земля-язык-Родина» или соответствий «космос-ландшафт-язык-народ».

Развитие глобальных коммуникаций в современном мире трансформирует как саму карту, открывая новые возможности геокодификации и геолокализации, так и самого субъекта. Парадоксальным является то, что виртуальная картография позволяет актуализировать архаические пласты ориентации человека в социальном пространстве. Подобно тому как доисторические охотники передвигались тропами, так и современный путник может осуществлять навигацию следуя точным указаниям маршрута. Кроме этого, важным составляющим обмена является иконография маршрута, что также приближает представления пользователя к образам окружающей действительности ранних людей. Также как и современный человек, они представляли мир в конкретном-единичном измерении физических объектов. Однако, если окружающая первых людей действительность покрывалась сестью мифологических представлений, то окружающая действительность пользователя определяется с одной стороны технологическими возможностями программы, а с другой стороны он имеет доступ к своеобразному архиву впечатлений другого. Таким образом, коммуникационные возможности структурированы двумя составляющими: информационной (возможности программ) и эмотивной (мир впечатлений).

Если рассматривать мир как акт деятельного созерцания или миротворения, то именно в коммуникационной среде обнаруживает себя феномен социокультурного мира. В этом смысле, мир превращается из объективного пространства созерцания в горизонт эмоциональных переживаний, поддерживаемых технологической платформой и лингвокультурными компетенциями. В результате и возникает геоиконический образ мира. И эта экстраполяция не обладает меньшей степенью достоверности, чем геофизический образ планетарного пространства. Геофизический и геоиконический образ мира комплементарны и они создают метасистему векторов коммуникации в современном мире.

Одним из важнейших изменений символического пространства в мире глобальных коммуникаций является трансфигурация конструирования ау-

тентичного социокультурного типа. В виртуальном пространстве на пересечении геополитических конфигураций и историософского видения этнокультурных общностей и преемственностей возникает «проект мегалитических культур». Их, конструирование в современном мире определяет феномен лингвокультурного нарциссизма. Вероятно, именно он приходит на смену идентичностям трибы, этому неиссякаемому источнику тоталитарного мировоззрения или ур-фашизма (если воспользоваться терминологией Умберто Эко). К тому же, семантическая замкнутость естественных языков в условиях глобальных коммуникаций является гарантией коммуникативной закрытости, когда источником представлений о мире является не мир, а лингвистическая картина мира.

Литература

- Арендт 2013:** Арендт, А. *Жизнь ума*. Санкт-Петербург: Наука, 2013.
- Берлянт 1995:** Berlyant, A. M. The developed concept of geoimages. – In: *Proceedings of the 16th International Cartographic Conference Barcelona*, Spain, 3–9 September 1995. Ed. by the Institut Cartogràfic de Catalunya. Barcelona, 1995, 409–413 <http://icaci.org/files/documents/ICC_proceedings/ICC1995/PDF/Cap080.pdf>.
- Бурдьё 1987:** Bourdieu, P. Espace social et pouvoir symbolique, mars 1986. – In: *Bourdieu, P. Choses dites*. Éditions de Minuit, 1987, 147–166.
- Гудмен 2001:** Гудмен, Н. *Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров. Статьи*. Москва: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001.
- Дюран 1993:** Durand, J.-P. Paradigme, productique ed flux d'informations. – In: *Informatique, communication ed société*. Sous la direction ed G. L. Baron, F. Paoletti, R. Raynaud. Paris: INRP, L'Hartman, 1993.
- Зомбарт 2005:** Зомбарт, В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. – В: *Собрание сочинений*. Т. 1. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2005.

**ДВИЖЕНИЕ И ПРОСТРАНСТВО
В СЛАВЯНСКИТЕ ЕЗИЦИ, ЛИТЕРАТУРИ
И КУЛТУРИ**

**Сборник с доклади
от Дванадесетите международни славистични четения –
София, 9–10 май 2014 г.**

**Том II
ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕ И ФОЛКЛОРИСТИКА**

София • 2015
Университетско издателство „Св. Климент Охридски“

СЪДЪРЖАНИЕ

Балканот и Европа како реални и имагинарни топоси во менталната мапа на светот	13
<i>Ангелина Бановиќ-Марковска</i>	
Kulturowa przestrzeń Słowacji oczami polskiego i czeskiego podróżnika	20
<i>Joanna Goszczyńska</i>	
Культурно-историческиот контекст древнерусской литературы XI–XIII вв.	28
<i>Игорь Данилевский</i>	
Russian and Soviet State Anthems: the Impact of Political Events on their Creation and Changes	36
<i>James W. Peterson, Panayot Karagyozov</i>	

ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕ

Борбата за црковно влијание в Киев – X–XIV в.	51
<i>Камен Михајлов</i>	
Разказите за пренасяне на моците на местни светци в јужнословјанската книжнина през XIII в.	58
<i>Радослава Станкова</i>	
Миграцијата на текста. Към рецепцијата на Житие на св. Антоний Велики в руската ръкописна традиција: текстологични и езикови набљудения	65
<i>Петко Петков</i>	
Leksičke i tematske poveznice Istočne i Zapadne crkve u glagoljskom “Priručniku za svećenike” iz 15. stoljeća	73
<i>Ivana Petešić</i>	
Prostor u djelima hrvatskih glagoljaša i prvih hrvatskih renesansnih pisaca	80
<i>Ante Topčić</i>	
Prostor identiteta u “Dubravki” Ivana Gundulića	86
<i>Ivana Brković</i>	
Език и вяра в литературата на чешкият барок	93
<i>Славяя Димитрова</i>	
Slika Bugarske u kulturi hrvatskoga narodnog preporoda	100
<i>Suzana Coha</i>	
* * *	
Хетеротопија „куће махнитаци“ у комедији „Фрлезија“ Дубровчанина дум Ивана Стојановића	107
<i>Наташа Трнавац Ђалдовић</i>	
Predodžbe Amerike u putopisnoj prozi Aleka Konstantinova i Ante Tresić Pavičića	114
<i>Estela Banov – Depore</i>	

Фигури божевиља у хорватској модерністској літератури	121
<i>Мар'яна Климець</i>	
Медитеранизмът в хърватската поезия на XX век (поезијата на 30-те и 40-те години) . . .	129
<i>Елена Дараданова</i>	
Образът на Македонија в очерците от 40-те години на XX век	137
<i>Албена Вачева</i>	
Феномен простора у Михајловићевој драми „Бановић Страхиња“	144
<i>Ливија Екмечић</i>	
„Внатрешниот предел“ во поезијата на Матеја Матевски	150
<i>Лидија Капушевска Дракулевска</i>	
Простор као значењски елемент у савременој српској ауторској бајци	155
<i>Илијана Чутура, Маја Димитријевић</i>	
Slovanský časoprostor v díle Julia Zeyera	162
<i>Dita Křišťanová</i>	
Društvena zbilja u dramama Mate Matišića – prostor i granice	167
<i>Lucija Ljubić</i>	
* * *	
Пространства, маршрути, географии на писателската биографија (към генеалогията на едно литературно поколение)	173
<i>Ани Бурова</i>	
Неносталгични пътувания за България на гневни жени	179
<i>Целина Юда</i>	
Illegitimacy and Identity in the Fiction of Turgenev, James and Conrad	187
<i>Brygida Pudelko</i>	
Герой на нашето време е мъж с протеза вместо сърце (съпоставка между „Герой на нашето време“ на Лермонтов и „Мъж с протеза“ на Ян Хрушовски).	194
<i>Велмира Божилова</i>	
Фронтът: измерения на другостта (наблюдения върху военната проза на Добри Немиров).	201
<i>Владимир Игнатов</i>	
Творецът и неговата муза в новелата „Омайната дева“ на Доминик Татарка	208
<i>Лиљана Видова</i>	
Tvorba identiteta i povratak u heterotopiju „rodnog kraja“ u romanima „Adio kauboju“ Olje Savičević Ivančević i „Crna mati zemla“ Kristiana Novaka	214
<i>Miranda Levnat-Perićić</i>	
Пространства на личното, поетичното и митичното в романите на Яхим Топол	220
<i>Анжелина Пенчева</i>	
„И извън мрежата можеш да имаш свой профил“: Марек Биенчик и неговата „Книга на лицето“	227
<i>Маргрета Григорова</i>	

Положај Чефура у роману Горана Војновића „Чефури раус!“ <i>Сава Стаменковић, Мирјана Бечејски</i>	238
Симболика простора и конструисање идентитета у бајкама Гроздане Олујић <i>Весна Тодоров</i>	246
Проблем идентитета у роману „Одбрана и последни дани“ Борислава Пекића <i>Марија Стјепуић, Ивана Ковачевић</i>	253
Кретање као принцип (де)конструкције идентитета у роману „У потрази за месижом“ Ерића Коша <i>Gordana Todoric</i>	258
Пелевин и мистицизам советског периода <i>Хироси Сасајма</i>	264
* * *	
Странствовања Симе Милутиновића Сарајлије <i>Бранко Р. Златковић</i>	271
Статичниот модел на идилично пространство и неговото динамизиране в „Идилији“ на П. Ю. Тодоров. <i>Марко Клио</i>	278
Между динамичното и статичното – в творческото пространство на Карел Чапек и Мирослав Кърлеж. <i>Мария Чорбаџиева</i>	286
Отварање простора у Андрићевим романима <i>Оливера Радуловић</i>	291
From Anxiety to Defiance. A Formal Dance as a Private Lesson in Emotional Education of a Protagonist. <i>Milan Kendra</i>	298
В лабиринта на писането („Физика на тъгата“ от Георги Господинов) <i>Николай Метев</i>	304
Талкање по светот <i>Весна Мојсова-Чепишевска</i>	310
Андерсеново путовање на Ориент и роман „Ѓаво и мала госпоѓа“ Ђорѓа Милосављевића <i>Јасмина С. Јокић</i>	317
„Autobus Calypso“ или bijeg u dokolicu kao (na)čin otpora spram svakodnevice u romanima hrvatske književnosti šezdesetih godina 20. stoljeća. <i>Tatjana Iles</i>	324
Prostor i žena <i>Helena Sablić Tomić</i>	330
Problem „ne-mjesta“ u suvremenoj hrvatskoj književnosti i vizualnim umjetnostima <i>Vladimir Rismondo</i>	337

Jugoslavenska ideja u kontekstu postkolonijalne kritike (centar vs. periferija)	344
<i>Zlatko Kramarić</i>	
Izmješteni. Dislocirani subjekt i otpor imobilizaciji značenja u književnosti hrvatskog modernizma	350
<i>Tvrtko Vuković</i>	
Imigracija i identitet u književnim tekstovima Aleksandra Hemona	356
<i>Lana Molvarec</i>	
Изгубљена домовина у Канадској трилогији Давида Албахарија	363
<i>Данијела Петровић, Наташа Милошевић</i>	
Kde domov můj: Tři bosenští spisovatelé v Praze	370
<i>Vera Yakimova Kaplická</i>	
Výbory z básní Josefa Suchého v originále a v překladech	376
<i>Ivana Srbková</i>	
Изгнаничката судба на „Роман за Лондон“ од Милош Џерњански	382
<i>Валентина Седефчева</i>	
Драматичност, позориште, политика и историја у „Гробници за Бориса Давидовича“ Данила Киша (кретање и простор)	389
<i>Јелена Ратков Квочка</i>	
Иконографија, идентичност и миграции в моноспектакља на Николај Урумов „Лалугер“ с автор Александар Урумов и режисор Юрий Дачев	396
<i>Ленка Атанасова</i>	
Књижевна топографија старогa Дубровника: простори града у лирици	404
<i>Лahorka Plejić Poje</i>	
Mapiranje nacije. Politike prostora u konstruiranju nacionalnog identiteta	410
<i>Ivana Žužul</i>	
Шетањето низ градот (фланеризмот) како романескнен модел	416
<i>Соња Стојменска-Елзесер</i>	
Градските пространства и техните проявления в чешката литература	423
<i>Тиха Бончева</i>	
Пространството „Петербург“ – паралелни прочити на Бродски и Солженицин	429
<i>Димо Димов</i>	
Град, градежи и конструктори (Опит върху „Къща“ на Чавдар Мутафов)	436
<i>Надежда Стоянова</i>	
Маската на града в белетристиката на Георги Райчев	443
<i>Александър Христов</i>	
Нереално пространство, символично пространство. Варшава в „Жените на Варшава“ на Георги Марков	450
<i>Магдалена Питлак</i>	

ФОЛКЛОРИСТИКА. АНТРОПОЛОГИЈА. КУЛТУРОЛОГИЈА

Формуле покрета у српским и бугарским песмама о хајдуцима	457
<i>Бошко Сувајџић</i>	
Епска формула и идеологизација простора	467
<i>Смиљана Ж. Ђорђевић-Белић</i>	
Мапирање простора епске песме положајем и кретањем ликова	475
<i>Данијела Р. Петковић</i>	
Семантика простора у наративима о судбини	483
<i>Немања Радуловић</i>	
Кретање и конструкција простора у баладима	490
<i>Evelina Rudan, Josipa Tomašić</i>	
Ровијесни простор отока Силбе у једној пучкој драми	496
<i>Teodora Vigato</i>	
Мост/хунприја као епски хронотоп	503
<i>Мирјана И. Детељић, Лидија Д. Делић</i>	
За гурбетите и гурбетчиите от Голо Бърдо, Албанија	512
<i>Веселка Тончева</i>	
Остаци митолошких вјеровања у колективној свијести словенских народа	519
<i>Софија Калезић-Ђуричковић</i>	
Атрибутивне значења посмертног простору у тексті поховалног оплакувања (на материјали украјинској і болгарској традицији)	526
<i>Оксана Микитенко</i>	
Обредно понашање лазарица	533
<i>Кристина Митић</i>	
Фолклорнијат артефакт и езиците на сувенира	539
<i>Николај Папучиев</i>	
* * *	
Сакралните места на българите извън България (за чешката област Микулчице, представена в периодичния печат на българското малцинство в Чехия)	546
<i>Елена Крейчова</i>	
От геофизическото к геонконическому образу мира: глобалнајя картография социокультурногo мира	550
<i>Степан Янковский</i>	
Цивилизаторска мисија европска у Азији	557
<i>Александра Р. Потин</i>	
Српска дијаспора на југу Француске і путеві njene интеграције і асимилације – socio-ekonomski, kulturološki і jezički plan	564
<i>Танја Милосављевић</i>	
Икономически фактори за трансформиране на българската идентичност	571
<i>Стоян Атанасов</i>	